

ЭТА ПРЯМАЯ улица в подмосковном поселке Переделкино, окаймленная вековыми соснами и носящая имя выдающегося советского писателя Се- рафимовича, давно, в шутку, была на- звана «Аллеей классиков». Шутка оберну- лась пророчеством: за сорок с лишним лет существования писательского по- селка Переделкино «аллея» видела Паустовского и Фадеева, Сельвинского и Корнея Чуковского, Кассиля и Яросла- ва Смелякова. На ней и теперь можно встретить Леонида Леонова, Маризту Шагинян, Георгия Маркова, Валентина Катаева и многих, многих других писа- телей, вписавших яркие страницы в ле- топись советской литературы.

К 80-летию
Валентина КАТАЕВА

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

Эта улица издавна стала традиционным местом встреч писателей. Она свидетель- ница блистательных состязаний остро- умия и турниров памяти, форумов ин- тересных мыслей и неожиданных сужде- ний. Она видела писателей, открылен- ных, взнесенных на гребень девятого вала вдохновения, и тех же писателей, сброшенных своенравной волной вдох- новения в бездну неверия в собствен- ные силы...

...Когда я приезжаю в Дом творче- ства писателей в Переделкино, одна из первых моих прогулок неизменно вы- вает на «Аллею классиков». И, если вый- ти туда в послеобеденное время, то по- чти всегда можно встретить Валентина Петровича Катаева. Размахивая сукова- той палкой, немного опустив голову, с мрачным выражением лица, то в старой, но любимой куртке, которую домашние неоднократно пытались выбросить, то элегантный и даже франтоватый, мерит он шершавый асфальт аллеи. Шаг в по- следние годы стал не таким стремитель- ным, прямая спина немного ссутулилась (время все-таки берет свое, да и врачи призывают к умеренности). Но стоит за- говорить с писателем (если он вообще расположен к беседе и «в ударе»), то паспортный возраст воспринимается не- доразумением, он просто не существует: ум, память, блеск, сбивающие с толку парадоксы и своенравность оценок при неизменной их тонкости и глубине, не- истребимый одесский говор и южная же- сткость, — все это покоряет и дер- жит в плену, и хочется только одного: чтобы прогулка долго-долго не преры- валась...

...Это было около десяти лет назад. Выйдя на «Аллею классиков», я стал сви- детелем любопытной встречи. Разлива- ясь, взвел серебристый смех Корнея

Ивановича Чуковского, беззвучно по- смеивался Катаев. Стоя друг против дру- га, они оживленно беседовали.

Катаев рассказывал Чуковскому, как тот, не ведая того, много лет назад за- ставил всегда до этого мало и не систе- матически писавшего Катаева по-настоя- щему взяться за перо.

— Проснусь рано утром, еще в сумер- ки, посмотрю на окно кабинета Корнея Ивановича, а там уже горит настольная лампа. Понимаю: сосед работает. Лягу, перевернусь на другой бок, а сна уже нет — совесть гложет. И так изо дня в день, пока, вконец истерзанный, не ре- шил сам засесть за письменный стол...

«Ранний» и «средний» Катаев действи-

тельно писал мало, мало для своих от- пущенных природой возможностей. В опубликованном в 1926 году сборнике «Писатели» тридцатилетний тогда Катаев так и закончил свою автобиографию: «Пишу очень мало».

— С годами человек гораздо больше приобретает, чем теряет, — утверждает нынешний Катаев. — К пятидесяти, ше- стидесяти годам я столько успел уви- деть, узнать, осмыслить, у меня накопи- ся такой запас наблюдений, что не пи- сать или писать с прохладцей, как неког- да, я не могу...

И под напором обретенного жизнен- ного опыта мощно закрутился генера- тор творческого вдохновения Катае- ва, заработал аппарат образного мыш- ления. Из-под пера Катаева полились, как из рога изобилия: «Маленькая же- лезная дверь в стене», «Святой коло- дец», «Трава забвения», «Кубик», «Раз- битая жизнь, или Волшебный рог Обе- рона», «Фиалка»... Перед читателями предстал Катаев неожиданный, новый. Он с поразительной смелостью меняет манеру письма, ломает традиционную форму построения произведения, оста- ваясь неизменным в своем покоряющем филигранном мастерстве, в своей при- чельной зоркости и фотографической памяти, так поразительно умеющей вы- свечивать привычное с необычной сто- роны.

Катаев работает в первой половине дня, обычно только при дневном осве- щении. За незасторенными окнами его кабинета лишь угадывается силуэт писа- теля, сидящего за письменным столом.

У Катаева своя манера работы: поли- рованная гладь старинного стола из красного дерева абсолютно пуста — ни бумага, ни заметок, ни книг, ни письмен-

ного прибора. И, если справедливо, что ничто так не страшит писателя, как лист чистой бумаги, то Катаев ведет с ним поединок буквально один на один. Он вынимает из ящика один лист бумаги и, исписав его своим размашистым почер- ком, тут же прячет обратно в стол, из- влекая только тогда новый.

Катаев не любит говорить о своих за- мыслах, а тем более о уже написанных книгах. И по его виду не понять, как ему пишется: обычно он сосредоточен- но мрачноват. Но достаточно какой-то малости, какой-то искры, и вот уже Ка- таев мгновенно преображается: и сно- ва звучит одесский говор, глухой смех, он снова типично размахивает руками и в азарте мелко поплевывает в сторону...

Катаев-литератор начался с поэта. В 1913 году в газете «Одесский листок» появились его первые стихи. Редактор охотно печатал шестнадцатилетнего по- эта, но гонорара ему не платил, счи- тая, что юноше довольно одной славы.

— Свой первый рассказ «Сэр Генри и черт», рукопись которого я обнару- жил в своем архиве, — вспоминает Ка- таев, — за отсутствием бумаги я напи- сал на обороте менделеевской таблицы и рапортчик о выдаче пищи заклю- ченным одесской тюрьмы. Гонорар за этот рассказ, напечатанный в одесском «Моряке», мне тоже не заплатили в звонкой монете. В те трудные годы я по- лучил его продпайком: соленой хамсой, яичевой крупой и растительным мас- лом в тару получателя. Это было голод- ное время натуроплаты!

Мне выпало счастье подолгу беседо- вать с Катаевым, еще «не остывшим» от поездки в Америку, по возвращении из Франции, озаренной для него пребыва- нием там Ленина, приехавшим из Чехо- словакии или вернувшимся из поездки по нашей стране. И в конце каждого из этих рассказов хотелось воскликнуть: «Вы должны обязательно об этом на- писать!»

Катаев всегда отмахивается от этих советов. О своих замыслах и намере- ниях он не говорит. Лишь однажды он признался, что ему хотелось бы уви- деть свой рассказ «Фиалка», поставлен- ным на сцене. «Но кто бы мог его сыг- рать?» — задал вопрос Катаев и тут же ответил: «Пожалуй, Марецкая и Плять». И он сразу начал придумывать режис- серские ходы, строить мизансцены.

Радиопередача «Фиалки» состоялась, сыгранная намеченными им актерами. Была осуществлена и телевизионная по- становка «Фиалки» с народной артист- кой Шатровой в главной роли. Катаев от постановки пришел в восторг.

Валентину Петровичу Катаеву испол- няется восемьдесят лет! И встречает он эту знаменательную дату в расцвете творческих сил, всенародного призна- ния. Книги Валентина Петровича Катае- ва, Героя Социалистического Труда, из- даны миллионными тиражами в СССР, переведены во многих странах мира. Его пьесы идут в Париже, Лондоне, Вар- шаве...

А главное, Катаев пишет, плодотворно пишет, и, наверное, уже скоро пораду- ет читателей своей новой книгой, кото- рая по обыкновению держится в пол- ном секрете.

Успеха вам и долгих плодотворных лет жизни, дорогой Валентин Петрович!

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ.

НА СНИМКЕ: В. Катаев и К. Чуковский на прогулке. 60-е годы.

Фото автора.